

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Архив

Санкт-Петербургский филиал

Е. Б. Чернова

«Я пишу то, что помню...»

Воспоминания

Санкт-Петербург
2011

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622
Ч49

Рецензенты:

д-р фил. н. *Б. Н. Тихомиров* (Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского),
ст. н. с. *Н. А. Прозорова* (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН),
н. с. *А. Г. Абайдулова* (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН)

Чернова Е. Б.

«Я пишу то, что помню...» Воспоминания / Подг. текста, комм., предисл., Е. Н. Груздевой. — СПб., 2011. — 252 с.; ил.

ISBN

Воспоминания Е. Б. Черновой (урожд. Покровской, в первом браке Гиппиус, 1899–1988) охватывают период с 1900 по 1934 г., включающий в себя несколько различных эпох отечественной истории. Мемуаристка оставила выразительные свидетельства об офицерской среде начала XX в. (к которой принадлежал ее отец), об отношениях в закрытых женских учебных заведениях в Тифлисе и Петербурге (в которых она училась), о семействе Гумилевых (с которыми общалась домашним образом), о характере академической жизни Петрограда эпохи послереволюционной разрухи (она была сотрудницей Пушкинского Дома в 1921–1931 гг.) и Ленинграда времени «социалистического строительства». Наиболее интересны в воспоминаниях многочисленные свидетельства (содержащие иногда очень колоритные детали) об общении мемуаристки с замечательными деятелями отечественной культуры и науки — А. Ахматовой, С. Есениным, Вс. Рождественским, А. Кони, Н. Котляревским, Б. Модзалевским, Н. Козминым, А. Долининым, В. Виноградовым, Б. Энгельгардтом, Н. В. Измайловым и др.

Издание предназначено не только для специалистов, но и для самой широкой аудитории.

ISBN

- © Е. Н. Груздева, подг. текста, предисловие, комментарии, 2011
© Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук, 2011

Предисловие

Первая треть XX века — настолько богатый событиями период в истории России, что, несмотря на множество уже опубликованных исследований и воспоминаний, он не теряет своей привлекательности для историков, филологов, музыковедов, театроведов... Три десятка лет вместили две неудачные для России войны (Русско-японскую и Первую мировую), три революции, Гражданскую войну, рождение и становление советского государства, его экономическое и культурное строительство, расцвет и закат русского символизма, возникновение социалистического реализма, создание советской науки, театра, системы образования, появление кинематографа... Последние годы третьего десятилетия ознаменовались первыми политическими процессами и «чистками» в среде интеллигенции, арестами и ссылками... Этим и другим вопросам посвящена огромная литература — научная и публицистическая, воспоминания, письма, дневники и записки многих известных политиков, ученых, писателей и деятелей искусства, живших в России и эмигрировавших. Публикуемые в настоящем издании воспоминания — еще один фрагмент той колоссальной мозаики, которая и есть история России начала XX века.

Ценность настоящего материала состоит в многообразии отразившихся в нем исторических, научных и индивидуально-биографических событий. Как любые мемуары, воспоминания Е. Б. Черновой — прежде всего летопись своего времени. Они содержат картины быта военного гарнизона и жизни провинциальных городков начала XX века, описание постановки образования в дореволюционных женских институтах, сумбура и неустроенности первых послереволюционных лет, внутренней жизни Института русской литературы (Пушкинского Дома) в 1920-е и мрачных для Академии наук 1929–1931 лет. Воспоминания очевидца и участника этих событий, ее рассказы о встречах с известными деятелями культуры или рядовыми людьми, чьи имена сегодня известны лишь узким специалистам, несомненно, помогут лучше почувствовать атмосферу времени, заполнить некоторые «белые пятна»...

* * *

Елена Борисовна Покровская родилась 20 августа (ст. ст.) 1899 года в семье кадрового офицера. В метрической книге церкви 96-го пехотного Омского полка была сделана соответствующая запись: «1899 года августа 20 родилась и того же года сентября 8 числа крещена Елена. Родители ея: 96 пехотного Омского полка подпоручик Борис Владимирович Покровский и его законная жена Серафима Николаевна, оба православного вероисповедания...»¹ Ранние детские годы девочки прошли в Пскове, где базировался отцовский полк. Когда отец в 1906 году перешел на службу в Корпус жандармов, семья переехала сначала в Чернигов, потом в Читу, Тбилиси и, наконец, в 1910 году — в Петербург. Начальное образование Елена Покровская получала дома под руководством матери, а среднее (с 1908 года) в системе институтов Ведомства учреждений императрицы Марии сначала в Тифлисе, а затем в Петербурге. Несмотря на слабое здоровье², училась она очень хорошо, возглавляя список учениц класса.

После смерти Б. В. Покровского (17 июля 1914 г.) материальное положение семьи заметно ухудшилось, пришлось переехать в более дешевую квартиру, но Елена продолжала занятия в Мариинском институте. Со дня смерти отца ей была назначена эмеритальная пенсия³, сироту взял под покровительство Алексеевский главный комитет⁴, оплачивавший ее дальнейшее обучение в институте⁵. В апреле 1915 года Совет института подал прошение в канцелярию Ведомства учреждений императрицы Марии: «В настоящем учебном году в Институте императрицы Марии оканчивает курс семи общих классов дочь подполковника Елена Покровская, состоявшая <...> приходящею воспитанницей института.

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее — СПФ АРАН). Ф. 18. Оп. 4. Д. 29. Л. 7. — Копия записи из метрической книги в личном деле Е. Б. Покровской.

² По заключению врача, девочка страдала резко выраженным малокровием и слабостью легких. — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб.). Ф. 414. Оп. 1. Д. 2173. Л. 13. — Свидетельство врача в личном деле пансионерки Е. Покровской.

³ Эмеритура — в дореволюционной России специальная пенсия уволенным в отставку государственным служащим, пособие вдовам, сиротам из сумм эмеритальной кассы, средства которой составлялись из обязательных отчислений от жалования государственных служащих.

⁴ Алексеевский главный комитет по призрению детей лиц, погибших в войну с Японией, был создан в 1905 г. К 1909 г. благотворительность Алексеевского комитета была распространена также на детей чинов армии, полиции, жандармерии и тюремного ведомства, а также гражданских лиц — жертв террора.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 414. Оп. 1. Д. 2173. Л. 18. — Уведомление об оплате обучения.

Воспитанница Покровская, поступив в 5 класс, в течение всего времени своего пребывания в институте отличалась безукоризненным поведением с отличными успехами в науках и ныне при окончании курса, как теперь уже с полной достоверностью определилось, будет иметь в среднем выводе более $11\frac{1}{2}$ баллов, между тем, как приходящая воспитанница, она права на награждение шифром не имеет.

Посему Совет Института императрицы Марии имеет честь покорнейше просить <...> об исходатайствовании у Ее Императорского Величества соизволения на награждение воспитанницы Покровской золотой медалью, согласно бывшим примерам и в Институте императрицы Марии, и в Петроградском Елисаветинском...»⁶ Соизволение императрицы Марии Федоровны на награждение выпускницы золотой медалью было получено⁷. В аттестате Е. Б. Покровской по всем предметам стояли отличные оценки и выведен общий балл — $11\frac{27}{32}$ ⁸ (из возможных 12 баллов). Однако, согласно существовавшим правилам, она не могла до достижения 16-летнего возраста поступать в высшие учебные заведения и девушка осталась в институте еще на год: при женских средних учебных заведениях существовали специальные дополнительные педагогические (так называемые пепиньерские) классы, дававшие начальное педагогическое образование будущим матерям.

С отличием окончив педагогический класс Мариинского института, Елена Покровская 1 июля 1916 года подала прошение в Петроградский Императорский женский педагогический институт о зачислении на словесно-историческое отделение. Полный курс по разряду словесных наук она окончила в 1921 году: «Выполнила все практические занятия и выдержала все коллоквиумы по всем предметам, входящим в учебный план факультета. <...> Сверх того успешно выполнила практические занятия по преподаванию русского языка и литературы в I и II ступени 2-й Советской трудовой школы при институте»⁹.

Трудности военных и послереволюционных лет, голод и разруха, необходимость работать, чтобы иметь трудовую карточку для получения продуктового пайка, — все это Е. Б. Покровская с лихвой испытала в студенческие годы. В феврале 1918 года она устроилась на работу в железнодорожный отдел Народного банка, в июле 1919 года поступила в Книжную палату, а в 1920 году перешла в Академию наук в Рукописное отделение

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 414. Оп. 1. Д. 2173. Л. 26. — Обращение Совета Мариинского института в канцелярию ВУИМ.

⁷ Там же. Л. 20. — Сообщение канцелярии ВУИМ о награждении Е. Покровской.

⁸ Там же. Л. 26а. — Копия аттестата.

⁹ Там же. Д. 3736. Л. 1. — Копия удостоверения об окончании Педагогического института.

Пушкинского Дома¹⁰. По вечерам после работы Елена Борисовна спешила на лекции или в библиотеку... При окончании института она была признана преподавателями одной из наиболее успевающих и перспективных студенток и ей было предложено остаться при кафедре русской литературы в качестве ассистента. Но девушка отказалась от перспективы работы в вузе, так как перед ней открылась другая возможность: она получила место научного сотрудника¹¹ в Пушкинском Доме — сокровищнице русской литературы.

Новая работа увлекла ее, а первое же самостоятельно выполненное задание принесло небольшое научное открытие: в архиве Я. П. Полонского были обнаружены ранее неизвестные письма А. П. Чехова, которые Е. Б. Покровская подготовила к публикации и сопроводила пояснениями: дала свою датировку писем, определила их значимость в отношениях писателей¹².

Каждая коллекция документов хранила свои еще не известные широкому читателю письма, дневники или записки, которые после выявления и тщательного изучения сотрудники Пушкинского Дома готовили к печати. Из собрания бумаг Афанасия Фета Елена Борисовна опубликовала подборку писем поэта к его другу И. П. Борисову, которые, будучи по выражению самого автора «письмами-дневниками», имели большое значение для понимания внутренней жизни А. А. Фета, его пессимизма¹³.

Работа с архивом А. Н. Майкова дала новые сведения о Ф. М. Достоевском. Написанная Е. Б. Покровской статья «Достоевский и петрашевцы» вошла в первый сборник статей и материалов о великом писателе, изданный в 1922 году¹⁴. Изложив все известные сведения об участии Ф. М. Достоевского в кружках 1840-х годов и его отношении к революционным идеям, автор статьи публикует письмо Майкова с его рассказом о беседах с писателем. Благодаря этому письму стало известно, что Достоевский принимал активное участие в осуществлении идеи создания домашней

¹⁰ СПФ АРАН. Ф. 349. Оп. 1(1933). Д. 12. Л. 2. — Curriculum vitae Е. Б. Гиппиус от 9.02.1935 г.

¹¹ Постановлением Правления Академии наук от 11 августа 1920 г. Е. Б. Покровская была зачислена на службу в АН на должность научного сотрудника II разряда Пушкинского Дома с 1 июля 1920 г. — СПФ АРАН. Ф. 18. Оп. 4. Д. 29. Л. 6.

¹² См.: Радуга: Альманах Пушкинского Дома. Пг., 1922. С. 287–301 (Письма А. П. Чехова к Я. П. Полонскому [1888 г.] с объяснениями Е. Б. Покровской).

¹³ Покровская Е. Б. Фет в переписке с И. П. Борисовым // Литературная мысль: Альманах. Пг., 1922. Вып. 1. С. 211–228. — Отмечая откровенность писем А. Фета (нехарактерную для него, обычно скрытного и замкнутого), Е. Б. Покровская заявила о намерении написать особую статью, посвященную оценке «Воспоминаний» поэта на фоне публикуемых писем (С. 211), но этот план, очевидно, не реализовался.

¹⁴ Покровская Е. Б. Достоевский и петрашевцы // Ф. М. Достоевский: Статьи и материалы / Под ред. А. С. Долинина. Пб., 1922. Вып. 1. С. 257–272.

типографии, чтобы при помощи печатного слова подготовить общество к принятию необходимых реформ.

Участие в сборнике наряду с известными философами Л. П. Карсавиным, Н. О. Лосским, Э. Л. Радловым, филологами В. В. Виноградовым и Л. К. Ильинским (институтскими учителями Елены Борисовны) было для начинающего научного работника большим успехом. Высокая оценка ее работы убедила Е. Б. Покровскую в правильности выбранного пути. Много лет спустя она вспоминала: «Виктор Владимирович Виноградов вызвал меня, поздравил и сказал, что теперь ни одна биография Достоевского не может обойтись без моей работы».

Продолжая изучение наследия Ф. М. Достоевского, Е. Б. Покровская была привлечена к работе по подготовке публикации Пушкинским Домом архивных документов жены и родственников писателя, его обширной переписки, генеалогических материалов семьи Достоевских. Во втором сборнике статей о Достоевском ею были изданы пропущенные ранее места из писем писателя к А. Н. Майкову и ответные письма Майкова¹⁵. Разбирая и изучая автографы Ф. М. Достоевского, Елена Борисовна скрупулезно сличала их с ранее уже опубликованными текстами (в изданиях 1883, 1912, 1922 годов), восстанавливала купированные фрагменты, старалась прочесть зачеркнутые места... Когда достоевист А. С. Долинин готовил к печати письма писателя, она была одной из его активных помощниц. В предисловии редактора А. С. Долинин писал: «Отмечаем с особенной благодарностью ту исключительную помощь, которую постоянно получали от Е. Б. Покровской, имеющей наиболее близкое отношение к архиву Достоевского, хранящемуся в Пушкинском Доме. Ей мы обязаны целым рядом ценнейших материалов, использованных нами в примечаниях. Особенно же велика была ее помощь в работе над письмами к Врангелю (областному прокурору в Семипалатинске. — Е. Г.) 1856 г. Только благодаря ее исключительному умению читать тексты удалось разобрать в этих письмах наиболее трудные густо зачеркнутые страницы, которые были прочтены ею целиком»¹⁶.

Специально для сборника статей к столетию декабрьского восстания 1825 года Е. Б. Покровская подготовила статью «Достоевский и декабристы». В ней автором сделана подборка всех (немногих) высказываний Ф. М. Достоевского о декабристах и обоснован вывод, что писатель, который как петрашевец тоже шел по революционному пути, весьма

¹⁵ Покровская Е. Б. Пропущенные места из писем Достоевского к Майкову // Ф. М. Достоевский: Статьи и материалы / Под ред. А. С. Долинина. Л.; М., 1925. Вып. 2. С. 332–337; *Ее же*. Письма Майкова к Достоевскому за 70-е гг. // Там же. С. 361–366.

¹⁶ Ф. М. Достоевский. Письма / Под ред. и с примеч. А. С. Долинина. М.; Л., 1928. Т. I. С. 34–35.

мало интересовался дворянскими предшественниками. Более того, «как писатель-мыслитель и как общественный деятель во вторую часть своего пути он относился к ним недоброжелательно»¹⁷. Объяснение этому Е. Б. Покровская видела в том, что Достоевский рассматривал декабристов как высший, оторвавшийся от русской почвы слой дворянской интеллигенции.

Решив посвятить себя науке, Елена Борисовна Покровская для продолжения образования в 1924 году поступила (без отрыва от работы) в аспирантуру Научно-исследовательского института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ) при Ленинградском университете. В тот год открывалась новая секция — новой и новейшей литературы — под руководством пушкинодомца Н. К. Козмина. Основной коллективной темой секции было определено изучение международного литературного обмена (исходя из русского материала). Но в 1927 году секция была преобразована в методологическую (уже под руководством Г. Е. Горбачева) и занялась более конкретной проблемой — углубить чисто сравнительный метод на примере отражения Июльской революции 1830 года во французской и русской литературе. Предполагалось изучить историческую эпоху, литературные течения во Франции, распространение идей французских политических писателей за границей, преимущественно в России, отражение французской литературы в России в 1830–1840-е годы. В соответствии с этой программой началось изучение французского социального и натуралистического романа (Ж. Жанен, О. Бальзак, Е. Сю и др.) и откликов на него в России. Е. Б. Покровской досталось творчество Эжена Сю (по традиции 1920-х годов — Евгения Сю). Начав с изучения трактовки творчества писателя К. Марксом, аспирантка проанализировала его романы 1840-х годов, подготовила статьи «Литературная судьба Е. Сю в России»¹⁸, «Роман Сю и французский утопический социализм»¹⁹.

Однако свою научно-исследовательскую работу Елена Борисовна рассчитывала посвятить изучению творчества Ф. М. Достоевского. К концу 1920-х годов она уже опытный достоевист — помимо обследования рукописей писателя подготовила работу «Библиотека Достоевского», в которой благодаря материалам из архивов Пушкинского Дома и Исторического

¹⁷ Покровская Е. Б. Достоевский и декабристы // Декабристы. Неизданные материалы и статьи / Под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана. М., 1925. С. 323.

¹⁸ Покровская Е. Б. Литературная судьба Е. Сю в России // Язык и литература. Л., 1930. Т. V. С. 227–252.

¹⁹ Статью Е. Б. Покровская передала для публикации в сборник трудов Института речевой культуры (Архив Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна (далее — СПбГУТД). Личные дела сотрудников за 1931–1942 гг. Д. 3272. Л. 4), но в печати эта работа так и не появилась.

музея в Москве значительно (на 300 названий)²⁰ расширила каталог книг из личной библиотеки Ф. М. Достоевского, составленный Л. П. Гроссманом²¹, готовила к печати и рукопись «Дневника писателя» из архива Достоевских²².

За время обучения в аспирантуре Елена Борисовна составила список западной литературы, посвященной Достоевскому, просмотрела книги, имеющиеся в ленинградских библиотеках, и написала краткий обзор немецкой литературы, охарактеризовав направления современных штудий в области изучения Достоевского²³. Она подробно обследовала рукописи «Дневника писателя» за 1876, 1877 и 1880 годы, хранящиеся в Пушкинском Доме, и «Дневника писателя» за 1876 год (из московского Исторического музея), установила ряд разночтений: части совершенно новых глав, планы, первоначальные наброски, позволяющие говорить о приемах творчества Достоевского²⁴...

Изучая творческую лабораторию писателя, Елена Борисовна нашла и тему научного исследования, в котором пересекались Ф. М. Достоевский и французско-русские литературные связи. В 1840-е годы Достоевский занимался переводами с французского. При аресте в 1849 году у него были отобраны произведения пронизанные социалистическими идеями и запрещенные в России книги Эжена Сю и Пьера Жозефа Прудона. Из библиотеки Петрашевского он брал произведения Луи Блана, Этьена Кабе... В те же годы писателем были созданы романы «Бедные люди», «Белые ночи», «Неточка Незванова». Рассмотрение творчества Ф. М. Достоевского в связи с французским влиянием и стало центральным вопросом будущей диссертационной работы Е. Б. Покровской — «Сю и Достоевский».

Постановлением комиссии по академической проверке аспирантов ИЛЯЗВа сроком окончания аспирантуры и защиты диссертации ей был определен октябрь 1929 года²⁵. Но события, произошедшие в личной жизни Елены Борисовны, вынудили ее оставить работу над диссертацией. Еще в декабре 1924 года она вышла замуж за студента консерватории Евгения Владимировича Гиппиуса (летом 1925 года она официально уведомила Пушкинский Дом о перемене фамилии с Покровской на Гиппиус²⁶,

²⁰ СПФ АРАН. Ф. 302. Оп. 2. Д. 209. Л. 14об. — Отчет аспиранта за 1927–1928 гг.

²¹ См.: Гроссман Л. П. Библиотека Достоевского. По неизданным материалам. С приложением каталога библиотеки Достоевского. Одесса, 1919.

²² СПФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1–1927. Д. 4. Л. 7 — Отчет о работе Рукописного отдела Пушкинского Дома за 1927 г. Вероятно, эта работа не была доведена до конца.

²³ СПФ АРАН. Ф. 302. Оп. 2. Д. 209. Л. 13–13об. — Отчет аспиранта за 1927–1928 гг.

²⁴ Там же. Л. 5, 13–15. — Личное дело аспиранта ИЛЯЗВ Е. Б. Покровской.

²⁵ Там же. Л. 8.

²⁶ См.: СПФ АРАН. Ф. 18. Оп. 4. Д. 29. Л. 9. — Уведомление о перемене фамилии в связи с замужеством от 11 июня 1925 г.

но в некоторых документах, как например, в аспирантских, ее новая фамилия так и не появилась). Осенью 1928 года у Гиппиусов родился сын Женя. Мальчик имел врожденную патологию, ему требовался особый уход и серия операций. Заботы о ребенке занимали все время Елены Борисовны. Она продолжала работать в Пушкинском Доме, но активную исследовательскую деятельность вести уже не могла.

Рубеж 1920–1930-х годов стал роковым для Академии наук. В 1928 году власти начали проводить политику давления на нее с целью изменения «политического лица»²⁷ Академии. Через десять лет после победы социалистической революции эта организация все еще продолжала оставаться немарксистским учреждением, в составе которого было менее 1% сотрудников — членов ВКП(б). Чтобы усилить позиции партии в главном научном центре страны, власти решили ввести в состав Академии наук в числе новых членов-академиков и восемь ученых-коммунистов. Выборы действительных академиков в январе 1929 года стали переломным событием в истории Академии²⁸.

Выявить чуждый социализму «балласт» в числе работников академических учреждений было поручено специальной «Комиссии Наркомата рабоче-крестьянской инспекции СССР по проверке аппарата Академии» под председательством Ю. П. Фигатнера, начавшей работу летом 1929 года. «Чистка» Академии наук коснулась по большей части сотрудников, имевших «буржуазные социальные корни», что, по мнению властей, являлось свидетельством враждебности таких ученых социалистическому строительству. В результате деятельности комиссии Фигатнера были уволены свыше 650 человек, причем около 100 человек уволены по 1-й категории, что означало запрет на работу в советских учреждениях, изъятие продуктовых карточек... Позже выяснилось, что «первая категория» предвещала почти неминуемый арест. Увольнение по 2-й категории влекло запрет работать по специальности. А осенью 1929 года было начато знаменитое «Академическое дело» по обвинению в контрреволюционной деятельности виднейших представителей российских гуманитарных наук во главе с четырьмя академи-

²⁷ О политике правительства в отношении Академии наук в 1920-е гг. см.: *Тугаринов И. А.* История ВАРНИТСО, или Как ломали Академию в «год великого перелома» // *Природа*. 1990. № 7; *Перченко Ф. Ф.* Академия наук на «великом переломе» // *Звенья: Исторический альманах*. М., 1991. Вып. 1. С. 163–235; *Алаторцева А. И.* Как начиналась «Советизация» Академии наук // *Россия в XX веке: историки мира спорят*. М., 1994. С. 719–726 и др.

²⁸ Подробнее см., например: «Наше положение хуже каторжного». Первые выборы в Академию наук СССР // *Источник*. 1996. № 3. С. 109–140; *Каганович Б. С.* Сергей Федорович Ольденбург: Опыт биографии. СПб., 2006. С. 155–174.

ками²⁹. За «чисткой» последовали преобразования в системе академических учреждений, перестановки кадров...

Елена Борисовна Гиппиус (Покровская) «чистку» 1929 года прошла без замечаний. Она даже оказалась привлечена «к просмотру рукописных фондов Академии наук и выявлению не подлежащих к хранению в Академии скрытых политических документов», состояла секретарем специальной следовательской комиссии Пушкинского Дома³⁰, потом вместе с другими сотрудниками Рукописного отдела работала «над разборкой нешифрованного фонда, находящегося в бронированной кладовой»³¹ в соответствии с разработанной комиссией инструкцией. Елена Борисовна разобрала архивы К. Р. (великого князя Константина Романова), Свербеевых, Измайлова, Михельсона, Шубинского и др. Отбирала материалы в обменный фонд для передачи в Центрархив (по заданию Ю. Фигатнера), принимала участие в подготовке материалов для выставки Онегинского собрания³². В декабре 1929 года Е. Б. Гиппиус была переведена на должность научного сотрудника I разряда, но в 1930 году неожиданно для Елены Борисовны ее направили на работу в музей Института новой русской литературы (ИНЛИ)³³, назначив ученым хранителем³⁴. «Мне было сказано, что такой музей, какой был в Пушкинском Доме, больше не годится, — вспоминала Елена Борисовна, — что надо строить не мемориалы, а дать классовую оценку, вместо „стола Полонского“ или „кресла Достоевского“ надо дать диаграммы... Мне было указано, что Институт литературы должен нести науку в массы и что мне следует найти формы такой работы. Я связалась с Домами культуры и сделала ряд выставок...»

Несмотря на добросовестную работу и невмешательство в политические вопросы, Елена Борисовна все же привлекла внимание сотрудников политуправления. Е. Б. Гиппиус была арестована в ночь с 6 на 7 марта 1931 года и провела в Доме предварительного заключения две недели. После серии допросов она была освобождена и вернулась на работу. Тогда

²⁹ См.: *Ананьич Б. В., Панях В. М., Цамутали А. Н.* Предисловие // Академическое дело 1929–1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1: Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993. С. XV–XX.

³⁰ СПФ АРАН. Ф. 349. Оп. 1(1933). Д. 12. Л. 2–3 — Curriculum vitae Е. Б. Гиппиус от 9.02.1935 г. В состав комиссии входили Н. К. Козмин, Б. В. Томашевский, В. Я. Кирпотин и Е. Б. Покровская — СПФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1(1929). Д. 7. Л. 79.

³¹ СПФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1(1929). Д. 7. Л. 79. — Отчет о работе Рукописного отдела Пушкинского Дома за январь-февраль 1930 г.

³² Там же. Л. 79об.

³³ В 1930 по 1932 г. Пушкинский Дом официально именовался Институт новой русской литературы (сокращенно — ИНЛИ). В 1932 г. было утверждено новое название — Институт русской литературы (ИРЛИ), сохранившееся до настоящего времени.

³⁴ СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 2192. Л. 16об; Ф. 155. Оп. 2. Д. 166. Л. 62об. — Из анкет Е. Б. Гиппиус.

ей это не показалось странным или необычным — она не знала за собой никакой вины и не могла сообщить «следствию» о своих сотрудниках ничего компрометирующего. Лишь несколько лет спустя Елена Борисовна поняла, какую роль для нее отвели в ОГПУ: ее выставили перед другими арестованными пушкинодомцами человеком, оговорившим своих товарищей. Надо сказать, что в академических кругах мнение о провокаторской роли Е. Б. Гиппиус жило многие годы.

Первая половина 1930-х годов для Елены Борисовны была нелегким периодом. Она разошлась с мужем, на работе ей приходилось заниматься делами, в которых мало что понимала и которые были бесконечно далеки от литературоведения, которым она мечтала заниматься. После нескольких месяцев заведования музеем 15 ноября 1931 года ее перевели на должность ученого секретаря Редакционно-издательского совета Академии наук — дело совершенно новое и незнакомое. Весной 1932 года Е. Б. Гиппиус вошла в состав созданного Комитета учета и изучения научных сил (КУИНС). «Основная задача КУИНС (организованного на базе комиссии „Наука и научные работники в СССР“), — писала Елена Борисовна в специальной статье, — налаживание и углубление научно-исследовательской деятельности», КУИНС должен был «перенести ударение со слова „учет“ на слово „изучение“» — изучение научного работника как производительной силы, исследование эффективности научного труда, разрешение вопросов научной организации этого труда и т. п.³⁵ Через два года деятельность Комитета завершилась, а в сентябре 1934 года была упразднена и должность ученого секретаря Редакционно-издательского совета³⁶. Елене Борисовне пришлось покинуть академические учреждения³⁷ и как оказалось навсегда. Ее последней работой в качестве научного сотрудника Пушкинского Дома (по договору) стало участие в подготовке для академического собрания сочинений писем и трудов Г. И. Успенского (рассказов 1860-х годов).

Проработав некоторое время в Доме ученых³⁸, Елена Борисовна занялась преподавательской деятельностью. Она уже несколько лет вела (по

³⁵ Гиппиус Е. Перспективы учета и изучения научных ресурсов СССР: Работа Комитета учета и изучения научных сил (КУИНС) // Вестник Академии наук СССР. 1933. № 8–9. Стлб. 55–60.

³⁶ СПФ АРАН. Ф. 18. Оп. 4. Д. 29. Л. 33. — Заявление Е. Б. Гиппиус об освобождении от обязанностей ученого секретаря РИСО от 14.09.1934.

³⁷ В автобиографии 1952 года Е. Б. Чернова связывала свое прекращение работы в системе Академии наук с переездом этого учреждения в столицу. Сама же она ехать в Москву не могла из-за тяжелой болезни мужа. — Автобиография Е. Б. Черновой 1952 г. (рукопись) находится в личном архиве Б. Н. Тихомирова.

³⁸ В Ленинградском доме ученых Е. Б. Гиппиус проработала чуть более полугода — с 16 июля 1934 г. по 5 марта 1935 г., занимая должности ученого секретаря и референта научно-исследовательского сектора. — СПФ АРАН. Ф. 349. Оп. 1–1935. Д. 2. Л. 107.

совместительству) занятия по русскому языку и литературе в Институте железнодорожного транспорта (1929–1934 гг.), а с 1936 года стала работать в Институте повышения квалификации инженерно-технических работников, Доме технической учебы, Текстильном институте³⁹. Перед началом войны, с декабря 1940 года работала библиотекарем в Библиотеке Академии наук.

Первую военную зиму, самую тяжелую для оказавшегося в блокадном кольце Ленинграда, Елена Борисовна оставалась в городе. В январе 1942 года умерла ее мать, в марте — муж. Сама она держалась из последних сил. В мае 1942 года директор Архива академии наук Г. А. Князев записал в дневнике: «Встретил тщедушную слабенькую старушонку — сморщенную, желтую.

— Не узнаете?

— Нет.

— Гиппиус...

Я не нашелся что ответить. Лет 10–12 назад это была цветущая красивая женщина, „львица“... Ее миловидность, приятный голос, женственность, сквозившая в каждой складке платья делали ее привлекательной для мужчин... Когда <я> встретил <ее> сегодня, был не только удивлен, но и испуган: нимфа, превратившаяся в ведьму, стояла передо мной. Этой зимой она была на краю гибели. Три месяца проболела. Вышла на инвалидность. Не человек, а тень»⁴⁰. Вскоре Елена Борисовна больная цингой и дистрофией вместе с сыном эвакуировалась в Новосибирскую область. Там она работала сначала в школе на станции Инюшка, а затем в г. Барабинске преподавала русский язык и литературу.

Когда Е. Б. Чернова с Женей вернулись после войны в Ленинград, оказалось, что жилья у них больше нет. Их пустил на свою площадь старый знакомый Елены Борисовны — капитан Сергей Черепанов. Летом 1946 года случилась трагедия: Женя, заступившись за мать, топором ударил Черепанова и был арестован. На суде он признал свою вину, получил срок и вскоре был отправлен из Ленинграда в Медвежьегорский лагерь в Карелии. Три года Елена Борисовна почти каждый день получала от сына письма — на случайных клочках бумаги, написанные тупыми перьями, карандашами, тем, что удавалось достать, — о лагере, об условиях жизни и порядках, о сокамерниках, воспоминания о прежней жизни, впечатления и мысли о прочитанных книгах. Она посылала ему книги, стараясь по мере возможности скрасить лагерную жизнь. Отправляла и посылки с вещами.

³⁹ Архив СПбГУТД. Личные дела сотрудников за 1931–1942 гг. Д. 3272. Л. 2об. — Личный листок по учету кадров.

⁴⁰ Князев Г. А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. СПб. 2009. С. 713–714.

Радовалась, отослав новые крепкие сапоги. Потом всю жизнь не могла себя простить — из-за этих сапог Женю в лагере убили⁴¹.

В послевоенном Ленинграде Елене Борисовне не сразу удалось найти постоянную работу: она была воспитателем в распределителе для беспризорных детей, вела кружок в Доме пионеров и школьников, работала в Публичной библиотеке. Наконец, в 1947 году она устроилась редактором в Ленинградское отделение Учпедгиза, где с 1950 года стала заведовать северной редакцией, специализируясь на детской литературе. Чтобы заполнить свое одиночество, Елена Борисовна вступила в Общество по распространению политических и научных знаний. Она вернулась и к научной работе — готовила диссертацию на тему «Детские журналы 1920-х годов», как специалист по детской литературе читала спецкурс в Педагогическом институте им. А. И. Герцена.

Однако в 1952 году Е. Б. Чернова ушла из Учпедгиза. Вся ее дальнейшая трудовая биография была связана с преподаванием русского языка и литературы в школах города: школе № 58 Калининского района (1952–1957), школе № 185 Дзержинского района (1957–1962), школе № 207 Куйбышевского района (1962–1965), школе № 183 Дзержинского района (1965–1967), школе № 171 Дзержинского района (1968–1969), школе № 201 (с 1971 г. № 193) Дзержинского района (1969–1973). Она старалась учить детей читать и любить русскую классику и современную литературу. У нее было много учеников, некоторые из них не забывали учительницу и после окончания школы продолжали навещать ее в маленькой комнатке на улице Жуковского, где она жила. Комната была заполнена книгами, на полу стопками лежали журналы, среди которых всегда можно было найти что-то новое, интересное. У хозяйки имелась особая тетрадь, в которую она записывала, кому какую книгу дала читать. Елена Борисовна была в курсе литературных новинок, следила за публикациями так называемых «толстых журналов» («Иностранная литература», «Новый мир», «Звезда» и т. п.), самиздата. Интересные произведения она предлагала к обсуждению на факультативах или дома с самыми близкими учениками.

Елена Борисовна много лет оставалась и активным лектором общества «Знание», выступала перед слушателями с лекциями о писателях, о любимом Достоевском. После ухода из школы (ей тогда уже исполнилось 73 года), она не смогла сидеть без дела и устроилась на работу в «Производственное объединение разнобытовых услуг „Невские зори“»,

⁴¹ Когда летом 1949 г. перестали приходить письма, Елена Борисовна заволновалась, стала писать лагерному начальству, выясняя, не перевели ли Женю в другой лагерь. Официального ответа она не получила. Только обрывок бумаги, с сообщением о гибели сына, который с риском для себя переправили ей заключенные. — Сообщено И. А. Образцовой.

ее должность называлась «преподаватель-консультант по вопросам семейной жизни»⁴². Свое нежелание отойти от дел и пользоваться свободой пенсионера она объясняла тем, что «человек на своем жизненном пути сначала *вбирает* впечатления, знания, потом их переваривает, осмысляет, придает им *свой* отпечаток, и наконец приходит самая лучшая пора, когда он *отдает* то, что получил, но передает умноженным, обогащенным, придавая этому отпечаток *своей* личности»...

Последние годы Елена Борисовна подводила итоги прожитого. Писала воспоминания, охотно рассказывала о разных интересных людях, встреченных ею. Свою личную библиотеку бывшего Достоевиста (55 книг о Ф. М. Достоевском) она передала Дому-музею писателя в Старой Руссе⁴³. Русскую классику раздала ученикам — на добрую память.

4 января 1988 года Елены Борисовны Черновой не стало.

* * *

В последние годы жизни Е. Б. Чернова часто и охотно рассказывала о событиях своей биографии, о встречах с интересными людьми, которые выпали на ее долю. Некоторые из рассказов были опубликованы. Так, Елена Борисовна в конце 1970-х годов записала для А. С. Крюкова воспоминания о событиях лета 1912 года, проведенного ею в слепневском имении у Гумилевых⁴⁴. В 1986–1988 годах устный рассказ о тех же событиях записал С. И. Сенин. Этот текст был опубликован впервые в 1991 году в газете «Добрый день»⁴⁵, а позже — в книгах С. И. Сенина о Бежецком крае и о Царском Селе (фрагмент)⁴⁶.

Записывать свои воспоминания Е. Б. Чернова начала в ноябре 1977 года, поставив на первой странице первой тетради дату «11/XI 77». Эту работу она продолжала (с большими перерывами) несколько лет. Са-

⁴² Трудовая книжка Е. Б. Черновой находится в личном архиве Б. Н. Тихомирова.

⁴³ См.: Н. С. «...Здесь работать лучше»: Первые Старорусские чтения «Достоевский и современность» // Литературное обозрение. 1986. № 9. С. 35.

⁴⁴ Воспоминания Е. Б. Черновой вошли в публикацию: Крюков А. Тверское уединение // Волга. 1981. № 3. С. 169–175. Через десять лет они вошли в сборник «Воспоминания об Анне Ахматовой» (Чернова Е. Б. Слепнево // Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991. С. 44–47).

⁴⁵ См.: Добрый день (Ленинград). 1991, декабрь (№ 15). Эта публикация была воспроизведена в сборнике: Н. С. Гумилев: pro et contra / Сост., вступ. ст. и прим. Ю. В. Зобнина. СПб., 1995. С. 244–250.

⁴⁶ См.: Чернова Е. Б. Незабываемые годы // Сенин С. И. «В долинах старинных местий...» Тверь, 2002. С. 115–120; Царское Село Анны Ахматовой: Адреса. События. Люди: Литературно-историческая экскурсия с Сергеем Сениным... СПб., 2009. С. 109.

мая поздняя из упомянутых мемуаристкой дат — 1985 год. Начав с рассказа о семье и событиях своего раннего детства, Елена Борисовна успела довести изложение до середины 1930-х годов.

Некоторые фрагменты из этих мемуаров уже появлялись в печати. Так в 1992 году бывшая ученица Е. Б. Черновой Ирина Образцова, ставшая хранительницей рукописи после смерти Елены Борисовны, напечатала фрагменты ее рассказа об Институте императрицы Марии и о его последнем выпуске 1916 года⁴⁷. Другой фрагмент рукописи привлек внимание петербургского журналиста Юрия Шнитникова, который опубликовал воспоминания Е. Б. Черновой о ее встречах с Сергеем Есениным⁴⁸. Текст, представленный Ю. Шнитниковым, использовал в своих работах историк-краевед Л. Ф. Карохин⁴⁹.

Все названные публикации несколько не умаляют ценности оригинальной рукописи Е. Б. Черновой. Основная часть ее воспоминаний до сих пор оставалась неизвестна широкому читателю, а упомянутые фрагменты в контексте мемуаров воспринимаются совершенно по-новому.

Воспоминания Елены Борисовны Черновой (Покровской) дают живые картины жизни начала XX века, быта петербуржцев в первые годы советской власти. Портреты людей, с которыми Е. Б. Черновой довелось встретиться в жизни, весьма рельефны, лишены лакировки и помогают хорошо знакомых по другим источникам деятелей науки, литературы и искусства порой увидеть в несколько ином ракурсе. Многие сюжеты, описанные в публикуемых воспоминаниях, до сих пор были не известны даже специалистам-исследователям. Множество черт повседневности, подробности уклада и традиций семьи, мелочи и детали безвозвратно ушедшего быта, нашедшие отражение в воспоминаниях Е. Б. Черновой, несомненно, будут способствовать восстановлению палитры межчеловеческих отношений в среде петербургской интеллигенции в первой трети XX века.

⁴⁷ Чернова Е. Б. Последний выпуск // Санкт-Петербургская панорама. 1992. № 10 (октябрь). С. 31–32.

⁴⁸ «Никуда от этой боли не уйти...» / Публ. Ю. Шнитникова // Вести. СПб. 1995, 23 декабря. С. 7; Елена Чернова. Лунный браслет от Сергея Есенина / Публ. Ю. Шнитникова // Собственное мнение. СПб., 1977. № 1. С. 30–31.

⁴⁹ См.: Карохин Л. Сергей Есенин в Детском Селе. Неизвестные эпизоды // Царскосельская газета. 2000, 3, 5 октября (№ 114–115); Карохин Л. Ф. Сергей Есенин и Царское Село. СПб., 2003; Карохин Л. Ф., Мона В. С., Филиппов Э. М. Сергей Есенин в Царском Селе. 2-е изд. СПб.; Пушкин, 2007.

* * *

Рукопись воспоминаний составляет пять тетрадей: три толстые общие тетради (основной блок) и две тонкие (ученические, по 18 листов). Текст написан на правой странице разворота, левая страница использовалась мемуаристкой при авторском редактировании: многие сюжеты воспоминаний были дополнены или исправлены самой Е. Б. Черновой. В нескольких случаях текст был проиллюстрирован рисунками автора (все рисунки воспроизведены в настоящей публикации).

Две тонкие тетради содержат очень близкие по содержанию тексты (отчасти повторяя и некоторые фрагменты из основного блока мемуаров) и, вероятно, являются первой и второй редакцией воспоминаний об учебном заведении — столичном женском Институте императрицы Марии, в котором училась Елена Покровская в 1910–1916 годах.

В основу публикации положен рукописный подлинник воспоминаний Е. Б. Черновой (его копия передана хранильницей мемуаров И. А. Образцовой в СПФ АРАН — Р. IV. Оп. 1. Д. 1133). При подготовке публикации орфография и пунктуация текста приближены к современным нормам, но сохранена стилистика автора. Все курсивные выделения в тексте принадлежат Е. Б. Черновой и специально не оговариваются. Часто встречающиеся в тексте сокращения имен и отчеств, а также общеупотребимых слов раскрыты без обозначения. В ломаных скобках даны восстановленные даты и пропущенные, но необходимые для понимания повествования слова. Правленный текст, зачеркнутый автором, дается в постраничных сносках. Там же даны примечания автора (оговариваются: «Прим. автора»), публикатора, а также переводы иноязычных слов и выражений. Содержательный комментарий помещен в конце, после всего комплекса воспоминаний.

За помощь в работе с рукописью Е. Б. Черновой я глубоко благодарна Ирине Алексеевне Образцовой, бывшей ученице мемуаристки, сохранившей ее воспоминания. При подготовке иллюстраций издания оказали поддержку, поделившись сведениями и материалами, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Рукописный отдел и Литературный музей ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН, музей 163-й школы Санкт-Петербурга, музей Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, литературовед и краевед С. И. Сенин. За консультации и советы при работе над комментарием я искренне признательна Б. Н. Тихомирову, Б. Г. Рожкову, Н. А. Прозоровой, М. П. Лепехину и многим другим.

Е. Н. Груздева